

ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ НАШИХ ВОИНОВ

Отрывок из романа Эдуарда Миртиновича Скобелева «Свидетель».
Э.М. Скобелев – советский дипломат, писатель.

«После обеда, когда полки под звуки барабанов стали сниматься для продолжения марша, наш пикет отошёл в нужном направлении, встретив в версте от главной дороги прежний пикет и приняв от него положенный рапорт.

Нас было пятеро офицеров, десяток улан, столько же казаков, полроты гренадёр и 12-фунтовая пушка с полным нарядом канониров. Поначалу мы двигались весьма споро по сельским песчаным дорогам, но по мере того как дождь усиливался, а солдаты замедляли шаг, я с казаками оказался далеко впереди и, убедясь, что вокруг всё тихо и спокойно, сошёл с коня подле небольшой рощи, велел развести костёр и так, обогреваясь, дожидаясь всего пикета. Наконец подошли гренадёры, подъехал Мархлевский.

– Темнеет, – сказал он мне. – Поезжай, голубчик, снова вперёд, постарайся присмотреть удобное место для ночлега. Но не отрывайся далеко. Сигнал опасности – два ружейных выстрела подряд.

Держась условленной дороги, я с казаками вскоре добрался до просторной безлюдной мызы. Небо как раз несколько прочистилось. Не успели казаки хорошенько осмотреть дом и постройки, как я заметил, что следом за нами по той же дороге скачет несколько прусских гусар, сопровождая вместительную карету, запряжённую четвёркою.

Волнение охватило меня: в первый раз принуждён был я на собственный страх и риск принять команду. Надобно сказать, в пень я тогда не встал, [1] повелел немедленно изготавиться к бою и захватить пруссаков в плен, а буде станут сопротивляться, побить немилосердно.

Сие и было исполнено моими казаками в челе со своим хорунжим. [2] Едва они с бусурманским гиканьем выскочили на дорогу, гусары бросились врассыпную, кучер был сбит пулей, испугавшиеся лошади на развороте зацепились каретою за придорожное каштановое дерево и принуждены были остановиться.

Я бросился к карете, ничуть не приняв во внимание, что остался совершенно один, понеже все мои люди рассказали вслед за пруссаками. И уже отворив сгоряча дверцу кареты, почувствовал, как ёкнуло во мне сердце, и зашевелились под шляпою волосы. Но отступить было нельзя: трусость почиталась мною таким позором, что легче было умереть, нежели выказать испуг.

В этот самый миг опускавшееся за горизонт солнце озарило тёмное чрево кареты, и я увидел направленный мне в грудь пистолет.

– Не двигайтесь, сударь! – произнёс кто-то на русском языке безо всякого акцента. – Одно неосторожное движение, и вы пропали!

– Кто вы и что вам угодно? – спросил я твёрдо, гоня прочь мысль о том, что жизнь моя целиком зависит от этого человека.

– Право, поручик, вопросы излишни. Нынешней кампании уже конец, а в следующем году будет заключён мир, стоит ли рисковать ещё одной жизнью прекрасного молодого офицера?

– Кто вы? – повторил я настойчиво. – Я допускаю, что вы можете выстрелить. Но мой долг требует установить, кто вы, куда и с какой целью следуете!

– Вы заметили на мне мундир прусского полковника, не так ли? Сие маскарад. Считайте, что я лекарь и спешу сделать неотложную операцию. – Человек, пошевелившись, коротко рассмеялся, и я в самом деле разглядел под накидкой полковничий мундир. – Быстрее решайте, не принуждайте, чтобы решал я!

Не ведаю, что повлияло на меня в ту роковую минуту. Не страх смерти, нет, хотя пуля в грудь, несомненно, завершила бы всё смертью. Мне как-то весело стало оттого, что война вскоре окончится: незнакомец сумел внушить мне полное доверие к своим словам.

– Что от меня нужно? – спросил я по-немецки.

– Ах, Боже мой, совсем ничего, – точно так же по-немецки отвечивал он. – Я зайду в дом, а следом можете заходить вы со своими казаками.

– Пожалуй, – сказал я, отстраняясь, чтобы позволить незнакомцу выйти из кареты.

Он тотчас легко и выбрался из неё, хотя был довольно грузен. Лицо он имел строгое, умное и чуть насмешливое. Он хорошо владел собою, сей незнакомец, по всей видимости, лазутчик.

Теперь я бы мог обезоружить его. Но – слово было дано.

– Ступайте, – сказал я с досадой. – Да хранит вас Господь!

Он сделал несколько шагов и обернулся.

– Да сохранит небо и вас, поручик! В двух вёрстах отсюда по северной дороге разъезд короля. Человек шестьдесят, не более... Кстати, как ваше имя?

– Услуга за услугу, – не слишком ли вы увлеклись? – оборвал я игру довольно сухо.

Он пожал плечами и скрылся.

Вскоре вернулись возбуждённые и радостные мои казаки – они взяли в плен пятерых неприятельских гусар, одного убили в перестрелке.

Мигом осмотрели двор и подворье, заперли пленных в каменном каретном сарае и стали выискивать, чем поживиться на ужин. Седой старик-лакей, единственный, кого нашли в покоях, трясся от страха, повторяя, что все господа разъехались и люди разбежались неведомо куда, узнав, что вблизи проходит русская армия. Я хотел спросить у старика, не сыщется ли в доме провизия, но сие оказалось излишне: пронырливые казаки, обшарив дом от подвалов до чердака, тащили уже окорока и выкатывали из погреба бочки с вином и пивом.

Тут подоспел наш пикет. Усталый и перемёрзший ротмистр Мархлевский, утерев слёзы, выбитые ветром, поздравил меня с успехом и великолепным выбором ночлега.

Сердце моё разрывалось на части. С одной стороны, я обязан был известить старшего начальника о незнакомце, которого отпустил по крайней нужде. С другой стороны, именно вынужденность моего поступка и малозначительность происшествия подавали надежду, что благоразумнее обо всём умолчать. Пока я изводился доводами и контрдоводами, во дворе запылали костры – гренадёры, забив раненую прусскую лошадь, решили пополнить ужин доброй похлёбкой. Каждый из них наполнил манерку [3] вином, некоторые успели даже набраться, судя по неловким движениям и нестройным запевам.

– У меня дурное предчувствие, – сказал я Мархлевскому. – Совсем близко отсюда находится прусский разъезд. Как бы не приманить его огнями.

– Дело, – отозвался, кивая, ротмистр – Прикажете принять меры предосторожности. Побольше часовых да два усиленных караула с тылу и к дороге, чтобы не застигли нас врасплох. Конечно, вино мы теперь уже не запретим, поздно, но нужно настоятельно побудить всех к умеренности, особенно казаков!

После ужина я отправился с подпоручиком Лобовым, совершенным, как и я, трезвенником, удостовериться в исполнении моих приказов.

Что же мы нашли? Вопиющую нераспорядительность и беспечность. Казаки, занявшие нижний этаж господского дома, на правах хозяев погребных запасов упились до положения риз. Одного, повалившегося у самого порога, возмущённый Лобов пнул ногою, но он только завалился на другой бок и, пошевелив усами, пуще захрапел, держа в раскинутых руках чепрак и потник. [4]

То же открылось нам и в амбаре, где разместились гренадёры. Побросав ружья и патронные сумки, они спали беспробудным сном, в то время как во дворе ещё горел костёр и дымился наполовину опростанный котёл.

Спали и часовые у пушки. Дозора, долженствующего смотреть за дорогой, на месте не оказалось. Все отчаянные мои попытки вразумить солдат ни к чему не привели: они артачились, как малые дети, не устрашаясь ни бранью, ни угрозами.

Столь гибельной картины я не наблюдал за всё время моей службы. Непонятно было, когда все успели напиться, вот ведь только что я видел их, смеющихся, с осторожностью несущих свои манерки. Трудно было допустить также и то, что все оказались подвержены грустному пороку напиваться до бесчувствия. «Уж не дьявольщина ли всё сие? – подумалось мне. – И куда подевался прусский полковник?..»

Удручённые Лобов и я вернулись к ротмистру Мархлевскому, но и он сладко почивал в хозяйской постеле, и подле его сапог на полу, завернувшись в одеяло, спал его денщик. Оба были пианы, судя по кружкам с остатками вина.

– Вот что, брат Лобов, – сказал я, вполне удостоверясь, что и уланы ни к чему более непригодны, исключая маленького черноволосого солдата, со слезами молившегося

перед крохотной свечкою. – Бери сего молодца и ступайте на дорогу. Коли мы допустили до таковых обстоятельств, то и ворчать не на кого. А я попытаюсь привести в чувство вашу смену!

Бледный как полотно Лобов тотчас ушёл: и он сознавал непередаваемую плачевность положения.

Выстрелами из пистолета я выпустил из бочек остатки вина и пива. Несмотря на необыкновенный грохот, только один казак приподнялся, недоумённо и мутно глянул на меня и паки опрокинулся навзничь.

Сие было власно, как сатанинское наваждение. Но, увы, храпел беспробудно не только Иван-царевич – в беспамятство погрузилось всё славное русское воинство, и я не представлял себе, как оживить его, если нагрянет враг. И вот – я ещё сидел недоумённо, проклиная всё на свете, – распахнулась входная дверь, и на порог вбежал маленький чёрный улан. Обеими руками он держал разрубленную голову, и как мёртвые руки его упали, то и голова будто развалилась на обе стороны...

В тот же миг пространство наполнилось адским шумом, бряцаньем, криками и выстрелами. Как черти из голенища, посыпались пруссаки. Они рычали, рубя палашами направо и налево беспомощных казаков, и стреляли в тех, кто пытался защититься. Кровь лилась ручьями и брызгала фонтанами. Если бы я и хотел, я не мог оторваться от ужасного зрелища, зная, что среди виновных я виноват более всех. Почему? Да потому уже, что сохранял твёрдую волю и ясную голову – зачем, зачем я сие сохранял?..

О Господь всемогущий, по какому промыслу ты явил моему взору толикое позорное бедствие? С какою целью заставил леденеть кровь в жилах моих?

Я разрядил оба бывших при мне пистолета в набежавших пруссаков и, подхватя чью-то саблю, принялся неистово крушить врагов. Я не жалел себя – да и как можно было жалеть? Столько ярости поднялось в груди, что я пробился к двери и, заколов уже на крыльце капрала, которого подвело неисправное ружьё, выскочил во двор.

Вовсю горел амбар. Металось багровое пламя, и чёрные тени скакали, и в пламени возникали с воздетыми руками беззащитные люди, люди, преданные своим порокам гораздо более, чем своему долгу и своей судьбе.

«Вот вам, вот вам!» – кричал я, врубаясь в гущу врагов, пока удар прикладом не обрушился на мою голову. И разом стихли все звуки, и пламя, пыхнув особенно ярко, погасло вовсе...

Очнулся я уже в грязной фуре, медленно тащившейся. Дождь лился немилосердно. Обочь ехали прусские уланы. Увидев перед собой постаревшего за ночь Мархлевского, напрочь утратившего былой лоск, я спросил, куда мы едем. «В неволю, братец, в неволю», – отвечал со вздохом Мархлевский. От него я узнал, что все наши офицеры убиты, и Лобов убит, только он, ротмистр, да я остались в живых.

Непостижимое совершилось. От стыда и позора я не знал, что ответить моему начальнику, не менее меня удручённому. Так я оказался в плену. Завезли нас под город Шведт, где в старом замке содержался изрядный лагерь пленных русских офицеров».

1. Встать в пень – стать в тупик.
2. Хорунжий – знаменосец.
3. Манерка – фляжка.
4. Чепрак – суконная или коровая подстилка под конское седло поверх потника – войлока.